

**К.В. Харлампович**

**Западнорусские церковные братства  
и их просветительная деятельность в  
конце XVI и в начале XVII веках**

*Христианское чтение. 1899. № 2. С. 372-390.*

# Западнорусскія церковныя братства и ихъ просвѣтительная дѣятельность въ концѣ XVI и началѣ XVII в.

(Рѣчь предъ защитой диссертациі: „Западнорусскія православныя школы XVI и начала XVII в., отношеніе ихъ къ инославнымъ, религіозное обученіе въ нихъ и заслуги ихъ въ дѣлѣ защиты православной вѣры и церкви“. 10 января 1898 г.).

Главный предметъ сочиненія, которому выпала честь занимать въ настоящія минуты ваше просвѣщенное вниманіе, составляютъ православныя братскія школы конца XVI и начала XVII ст., какъ одна изъ сторонъ религіозно-просвѣтительной дѣятельности западно-русскихъ братствъ. Въ предлагаемой рѣчи вопросъ этотъ освѣщается рѣшеніемъ двухъ частнѣйшихъ вопросовъ: а) въ какомъ отношеніи просвѣтительная дѣятельность западно-русскихъ братствъ стояла къ ихъ исторіи и уставамъ и б) въ чемъ она выразилась кромѣ заботъ о школахъ.

Западнорусскія братства существовали еще задолго до того, какъ имъ пришлось связать свое имя съ исторіей русскаго просвѣщенія и съ исторіей самой церкви православной; въ своемъ развитіи они прошли нѣсколько ступеней. По своей основѣ и по своему первоначальному происхожденію братства представляются намъ учрежденіями одного типа съ древними сѣверо-восточными братчинами, каковы, напр.: Иванская купецкая въ Новгородѣ (1134 г.), Псковская, Русская, Торжковская, Полоцкая (1159). Подобно братчинамъ, западнорусскія братства сосредоточились около приходскаго храма, о благоустройствѣ котораго заботились и престольный праздникъ котораго справляли особенно торжественно, причемъ сытился

ими медъ и приглашались сторонніе гости. И тамъ и здѣсь выбирались годовые старосты или судьи, которые безапелляціонно рѣшали дѣла, возникавшіе во время братскихъ пировъ. И въ сѣверной Россіи и въ западной на первыхъ порахъ братства были учрежденіями однословными (купецкія братчины, братства кушнерскія (скорнячныя), купецкія, радецкое или панское, ноговичниковъ и т. п.). Въ такомъ видѣ и съ такими чертами западно русскія братства становятся исторически извѣстными во второй половинѣ XVI ст. (львовское въ 1439 г., виленское кушнерское въ 1458 г.) и такія ихъ особенности закрѣплены королевской подтвердительною грамотой виленскому кушнерскому братству въ 1538 г. <sup>1)</sup>. Подобныя имъ братства, такъ называемыя медовыя, возникаютъ и послѣ, въ теченіе всего XVI ст. и даже въ XVII-мъ, приче́мъ въ ихъ дѣятельности на видное мѣсто выступаютъ благотворительныя цѣли; нѣкоторыя изъ нихъ обзаводятся госпиталями и богодѣльнями.

Одновременно съ этимъ осложненіемъ братскихъ уставовъ благотворительными задачами, замѣчается географическое такъ сказать расширеніе братскихъ интересовъ: виленское братство «дома пресв. Богородицы» получаетъ право совершать литургію на подвижномъ антиминсѣ, въ какихъ бы странахъ ни случилось быть членамъ братства; львовское же успенское братство вліяетъ на возстановленіе православной епископіи во Львовѣ и изъ своей среды даетъ епископа въ лицѣ Макарія Тучапскаго <sup>2)</sup>. Осложненіе братскихъ уставовъ религіозными мотивами проявляется и въ другомъ отношеніи: нѣкоторыя изъ братствъ возникаютъ изъ желанія братчиковъ получить «душевное избавленіе и по смерти покой, и память вѣчную предкамъ и родителямъ». Члены такихъ братствъ записывали имена свои и родныхъ въ братскіе помянники, назначали особые дни для заупокойныхъ и заздравныхъ литургій и обставляли особыми церемоніями похороны умершихъ сочленовъ (братства благовѣщенское и николаевское во Львовѣ, вышенское).

Параллельно съ такимъ усиленіемъ нравственно-религіознаго характера братствъ, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ мы видимъ

<sup>1)</sup> А. З. Р., III, № 131.

<sup>2)</sup> Лѣтопись львовскаго братства, стр. 6 (Журн. мн. нар. пр. 1849 г. кн. 62).

еще одну новую черту. Братчики вводятъ въ свои засѣданія новый предметъ — Библию: они начинаютъ заботиться о самопросвѣщеніи чрезъ чтеніе свящ. книгъ. Послѣднее же обстоятельство выдвигаетъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ духовный элементъ. Тогда какъ въ первыя времена существованія братчинъ и братствъ духовныя лица являлись только предметомъ братскихъ попеченій, наравнѣ съ благоустройствомъ храмовъ, или гостямъ на пирахъ, иногда даже наряду съ католическимъ духовенствомъ, — теперь они являются или инициаторами братствъ (львовскаго благовѣщенскаго) или ихъ проповѣдниками, учителями. Братства поставляютъ себѣ въ обязанность приискивать въ настоятели церквей и монастырей людей учительныхъ, знающихъ слово Божіе. Самое чтеніе Библии и св. отцовъ, по уставнымъ грамотамъ нѣкоторыхъ братствъ, должно было происходить въ домахъ священниковъ или въ ихъ присутствіи.

Но разъ въ уставы братствъ былъ введенъ параграфъ о самопросвѣщеніи, онъ естественно потребовалъ расширенія. Такъ какъ лучшимъ средствомъ умственнаго развитія всегда считалась школа то на нее направлена была усиленная забота братствъ. Затѣмъ, школа и интересы самопросвѣщенія, а также богослужебные потребовали книгъ — отсюда заведеніе братствами типографій и развитіе издательской дѣятельности. Наряду съ школьнымъ обученіемъ братства поставили въ широкихъ размѣрахъ задачу церковнаго учительства и осуществляли ее путемъ изданія сборниковъ поученій и учрежденія особой должности проповѣдниковъ, а также упорядоченія богослужебнаго чина и церковнаго пѣнія.

Принявъ на себя заботу о чистотѣ вѣры и проясненіи религіознаго сознанія православныхъ, а также о воспитаніи въ нихъ религіозно-нравственныхъ чувствъ, западно-россійскія братства по необходимости вступили въ борьбу со всѣмъ, что могло повредить чистотѣ вѣры и нравственности. Отсюда стремленіе братствъ къ контролю надъ православными убѣжденіями и поведеніемъ не только сочленовъ, но и людей постороннихъ, не только мірянъ, но и духовныхъ, не только священниковъ, но и епископовъ. Переходъ нѣкоторой части іерархій въ унію далъ братствамъ поводъ расширить еще болѣе свои задачи, побудивъ ихъ вступить въ открытую борьбу съ врагами православной церкви и принять на себя охрану всѣхъ правъ послѣдней отъ посягательствъ на нихъ.

Такимъ образомъ, предметомъ заботъ братствъ дѣлаются мало-по-малу всѣ стороны церковной жизни. Въ связи съ этимъ братства занялись защитой и гражданскихъ правъ православныхъ, явившись предъ лицомъ польскаго правительства представителями интересовъ русскаго народа. И такой взглядъ на нихъ вполне соответствовалъ дѣйствительности, такъ какъ братства являлись защитниками правъ православной Руси на всѣхъ инстанціяхъ польскаго суда и администраціи, начиная съ городскихъ магистратовъ и кончая королемъ и сеймами.

Неудивительно что такія широкія задачи и такая многосторонняя и полезная дѣятельность западно-россійскихъ братствъ вызвала симпатіи къ нимъ во всѣхъ лучшихъ людяхъ православной Руси, что они и заявляли, записываясь въ члены ихъ (см. напр. Кіевскій упись). Въ составъ братствъ входили представители всѣхъ слоевъ и классовъ русскаго народа, начиная съ торговыхъ и ремесленныхъ людей, всякихъ шевцовъ и кравцовъ, и кончая князьями, епископами и митрополитами. Вписывались въ братства не только мѣстные жители, но и иногородніе и даже закордонные православные, дворяне и князья молдоволашскіе. Случалось, что составы братствъ увеличивались иногда сразу цѣлыми группами людей. Такъ, въ 1591 г. въ львовское братство вписался священникъ Голлогурскій съ своимъ приходомъ <sup>1)</sup>, а въ кіевское около 1620 г. запорожскій гетманъ Сагайдачный со всѣмъ войскомъ. Само собой разумѣется, что умноженіе составовъ братствъ новыми членами влекло за собой увеличеніе ихъ нравственныхъ и матеріальныхъ средствъ и способствовало болѣе успѣшному осуществленію ихъ задачъ.

Таковъ былъ логическій ходъ развитія нашихъ западно-русскихъ братствъ. Онъ не совсѣмъ совпадалъ съ хронологическимъ ходомъ, такъ какъ осложненіе братскихъ уставовъ новыми чертами совершалось неодновременно въ различныхъ братствахъ и не вездѣ—въ указанномъ порядкѣ. И въ нашъ періодъ времени не всѣ братства даже дошли до своего полного развитія; только нѣкоторыя изъ нихъ обняли въ своей дѣятельности всѣ стороны церковной и политической жизни православной Руси и достигли въ заботахъ объ ихъ поддержкѣ и защитѣ видныхъ результатовъ. Во главѣ всѣхъ ихъ стояли львовское успенское братство и виленское тро-

<sup>1)</sup> Лѣт. льв. братства, 62.

ицкое, впоследствии св.-духовское. Они раньше других расширили свои задачи, были богаче других средствами и сильнее всѣхъ ратовали за интересы православія и русской народности. Исторія ихъ есть исторія всѣхъ западно-русскихъ братствъ. Но въ ней обращаетъ на себя особенное вниманіе то обстоятельство, что наибольшій шагъ впередъ они сдѣлали въ какое-нибудь десятилѣтіе, съ 1584 по 1594 г.

Чѣмъ же, спрашивается, обусловилась такая крупная метаморфоза въ уставахъ и дѣятельности братствъ, въ столь короткое время превратившихся изъ простыхъ медовыхъ союзовъ въ религіозно-нравственные, просвѣтительно-благотворительныя учрежденія съ сложнымъ устройствомъ, съ большими задачами и съ крупнымъ церковнымъ и политическимъ значеніемъ?

При рѣшеніи вопроса о происхожденіи *политическихъ* правъ нашихъ братствъ имѣетъ нѣкоторую силу мнѣніе ученыхъ, производящихъ какъ самыя братства, такъ и весь ихъ строй отъ системы магдебургскаго права, которымъ были надѣлены многіе западно-русскіе города и въ связи съ которыми стояла организація ремесленныхъ цеховъ. Нѣтъ, конечно, нужды объяснять цехами самое происхожденіе нашихъ братствъ: они не моложе, быть можетъ, самихъ цеховъ; можно только указать на то, что магдебургское самоуправленіе городскихъ общинъ и цеховыхъ ремесленныхъ открывало возможность и религіознымъ союзамъ прихожанъ той или другой городской церкви просить у правительства и получать гражданскія права самоуправленія, самосуда, независимости отъ городскихъ и королевскихъ чиновниковъ, право принимать и владѣть имуществомъ, съ освобожденіемъ ихъ отъ всякихъ податей, повинностей и постоевъ. Добившись всего этого для себя, братства присвоили себѣ право ходатайствовать за утѣсняемыхъ единовѣрцевъ, и короли, эти верховные хранители и защитники свободы и привилегій русскаго народа, снисходительно отнеслись къ этимъ притязаніямъ. Уже въ 1572 г. король Сигизмундъ Августъ принялъ на варшавскомъ сеймѣ ходатайство львовскихъ братчиковъ объ уравниваніи русскихъ жителей Львова съ р.-католиками, — онъ дозволилъ русскимъ заниматься въ городѣ торговлей, ремеслами, владѣть домами и отдавать дѣтей въ школы Львова и другихъ городовъ государства для изученія свободныхъ наукъ, запретивъ р.-католикамъ, подѣ угрозой огромнаго штрафа, пре-

слѣдовать русскихъ и православное духовенство <sup>1)</sup>). Хотя лѣтописецъ львовскаго братства замѣчаетъ, что за эту привилегію было заплачено много, но безъ пользы <sup>2)</sup>, однако уже въ принятіи и удовлетвореніи ходатайства братства проявилось большое политическое его вліяніе. Притомъ же этотъ случай послужилъ для братствъ прецедентомъ для принятія на себя предстательства предъ польскимъ правительствомъ за политическія и гражданскія права православныхъ, такъ что спустя нѣкоторое время братскіе депутаты начинаютъ встрѣчаться на каждомъ почти польскомъ сеймѣ, а съ 1616 г. въ Варшавѣ стали жить постоянно тѣ изъ львовскихъ братчиковъ, которымъ наиболѣе была извѣстна судебная процедура, для хожденія по разнымъ судебнымъ и административнымъ инстанціямъ <sup>3)</sup>.

Если гражданскія права западно-русскихъ братствъ легко объясняются внѣшнимъ сходствомъ послѣднихъ съ цехами, то права ихъ по отношенію къ своимъ церквамъ и духовенству находятъ себѣ объясненіе во внутреннемъ сродствѣ ихъ съ другимъ явленіемъ, развившимся особенно сильно въ Польшѣ и Западной Россіи въ XVI вѣкѣ. Мы говоримъ о коллективномъ патронатѣ, т. е. той его формѣ, при которой извѣстной церковью въ городѣ, ея имуществомъ и духовенствомъ завѣдывала городская община, обыкновенно ея прихожане. Самъ по себѣ коллективный патронатъ совмѣщалъ черты древнихъ братчинъ и современныхъ его развитію отношеній городскихъ общинъ, руководствовавшихся магдебургскимъ правомъ, къ храмамъ города. Польско-литовскіе короли, ревниво оберегавшіе свои личныя патронатскія права по отношенію къ церквамъ и монастырямъ въ своихъ имѣніяхъ и по отношенію къ православнымъ епархіямъ, поддерживали таковыя же права частныхъ земледѣльцевъ и городскихъ обществъ по отношенію къ опекаемымъ ими учрежденіямъ. Въ грамотѣ короля Баторія виленскимъ бургомистрамъ и радцамъ-патронамъ Св.-Троицкаго въ Вильнѣ монастыря (1584), мы видимъ наиболѣе полное выраженіе патронатскихъ правъ: здѣсь магистрату города предоставлено даже устроить школу при монастырѣ, содер-

<sup>1)</sup> Monumenta confraternitatis Strauropigianae Leopoliensis, I, № 53 (id. Крыловскій, Акты л. 27).

<sup>2)</sup> Журн. мин. нар. просв., 1849, кн. 62, стр. 11.

<sup>3)</sup> Лѣт. львов. братства, 135.

жать учителей для науки дѣтей и «въ письмѣ ученаго архимандрита» <sup>1)</sup>. Въ силу этого же короли не могли отказать въ нѣкоторыхъ церковныхъ правахъ и братствамъ, когда они, измѣнивъ нѣсколько характеръ своей дѣятельности, направленной главнымъ образомъ на заботу о храмѣ, обнаружили сходство съ коллективнымъ патронатомъ.

Но не въ королевскихъ привилегіяхъ, а въ грамотахъ восточныхъ патріарховъ лежитъ источникъ тѣхъ чрезвычайныхъ церковныхъ правъ, какими были надѣлены наши братства и какими недовольны были защитники іерархическаго принципа какъ среди православныхъ, такъ особенно среди р.-католиковъ и униатовъ. Уже въ грамотѣ антиохійскаго патріарха Іоакима львовскому братству, отъ 1 янв. 1586 г.,— грамотѣ, которой открывается новая эра въ исторіи братствъ, читается заповѣдь, чтобы члены братства, соединившись любовію въ духѣ вѣры, творили судъ истинный и милостыню, ублажали добрыхъ, непокоряющихся истинѣ законно обличали и наказывали, а нераскаянныхъ отлучали отъ церкви чрезъ своего священника. Въ случаѣ отлученія ни протопопъ, ни епископъ не могутъ благословить провинившагося до тѣхъ поръ, пока онъ не покорится братству. Суду братскому подлежатъ не только члены львовскаго братства: если братія узнаетъ, что при какой нибудь другой городской церкви или въ какомъ нибудь другомъ братствѣ или городѣ живутъ не по закону, міряне ли то или духовные, протопопъ, попъ, діаконъ или причетникъ, то она должна увѣщевать ихъ словесно или чрезъ посланіе. Если виновные будутъ противиться—донести о нихъ епископу. Даже если епископъ пойдетъ противъ закона истины и станетъ управлять церковію не по правиламъ св. апостоль и св. отецъ, совращая въ неправду и поддерживая беззаконниковъ, то такому епископу должны противиться всѣ, какъ врагу истины. Вообще всякое, въ какомъ-либо городѣ законно учрежденное братство обязано знать жизнь священниковъ и мірянъ, какъ своего города, такъ и окрестныхъ городовъ и сель, и о замѣченномъ доносить епископу <sup>2)</sup>.

Ободренные такимъ авторитетнымъ подтвержденіемъ своихъ притязаній, львовскіе братчики 28 мая 1586 г. обра-

<sup>1)</sup> А. З. Р. III, № 144.

<sup>2)</sup> Памятники Кіевской комиссіи, III, № 1.

тились къ константинопольскому патриарху Теолипу съ просьбой — «ради церковнаго устроенія» утвердить ихъ братство, школу и типографію, а также узаконить братскій уставъ для другихъ городовъ — «поспѣшенія ради благочестія». Вмѣстѣ съ тѣмъ братчики предложили патриарху рядъ вопросовъ: 1) Можно ли христіанамъ-мірянамъ сходиться въ праздничные дни и, послѣ обычныхъ молитвъ и литургій, читать священныя книги—Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоуста и прочихъ святыхъ, по правиламъ апостоловъ и св. отцовъ? 2) Можно ли мірянамъ, поучающимся Св. Писанію, говорить другъ съ другомъ и писать? 3) Можно ли благочестивымъ мірянамъ обличать нечестивыхъ іереевъ и епископовъ и слѣдуетъ ли повиноваться имъ? 4) Какъ должно думать о священникахъ и епископахъ святотатцахъ, христонпродацахъ, корчемникахъ, порицающихъ и возбраняющихъ ученіе, проклинающихъ учащихся и оправдывающихъ безчинныхъ и ненавистниковъ науки, проповѣдающихъ, что «многія книги влагаютъ въ неистовство» и что благословенна всяка простая душа <sup>1)</sup>? Споръ львовскаго братства съ мѣстнымъ епископомъ Герасимомъ и низшимъ духовенствомъ изъ-за права мірянъ вмѣшиваться въ церковныя дѣла константинопольскимъ патриархомъ Іереміей (преемникомъ Теолипа) былъ рѣшенъ въ пользу перваго, притязанія котораго и получили полную силу <sup>2)</sup>.

Братствамъ тѣмъ легче было достигнуть своей цѣли, что нѣкоторые владыки русскіе сами признали за братствами церковныя права. Такъ, перемышльскій епископъ Михаилъ Копыстенскій далъ комарскому братству (2 февр. 1592 г.) право обличать непокоряющихся истинѣ, повелѣлъ читать Свящ. Писаніе — у себя или у священниковъ — и передалъ ему шпитель и школу <sup>3)</sup>. Онъ же, сообщая въ 1592 г. львовскому братству о пущенной къ-то молвѣ объ его преклонности къ униі, оправдывался отъ обвиненія, просилъ

<sup>1)</sup> Временникъ Института Ставропигійскаго, 1871, № 18.

<sup>2)</sup> Пам. Кіев. комиссія, III, № 2. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что патриархъ Іеремія одно время держался другого взгляда на права братства: въ ноябрѣ 1589 г. онъ, оставивъ за братствомъ избраніе и низложеніе священниковъ Успенской церкви, потребовалъ, чтобы оно не присвоивало себѣ большихъ правъ—ни суда надъ священниками и діаконами, ни власти по отношенію къ прочимъ церковнымъ дѣламъ, ибо все это принадлежитъ одному львовскому епископу (*ibid.*, № 5).

<sup>3)</sup> Добрянскій Ант., Исторія епископовъ епархій перемышльской, самборской и синоцкой, приложение.

«сердечной рады» и удостовѣренія, что онъ годенъ какъ во всѣхъ дѣлахъ, такъ и въ отправленіи своихъ духовныхъ обязанностей <sup>1)</sup>). Затѣмъ, и митрополитъ русскій Михаилъ Рагоза явно сталъ на сторонѣ львовскаго братства въ его борьбѣ съ мѣстнымъ епископомъ и духовенствомъ. Благодаря его сочувствію къ себѣ львовское братство получило даже право участвовать на соборахъ святителей русскихъ. Явившись на брестскій соборъ 1590 г. въ качествѣ жалобщика на еп. Гедеопа, львовское братство получило между прочимъ экземпляръ соборнаго постановленія владыки объ ежегодныхъ сѣздахъ для обсужденія церковныхъ дѣлъ и — само стало ежегодно посылать на соборы своихъ депутатовъ <sup>2)</sup>). Вслѣдъ за нимъ и другія братства стали посылать на соборы своихъ представителей. Такъ, въ Брестѣ въ 1594 г., мы видимъ, присутствовали депутаты братствъ львовскаго, виленскаго, брестскаго, красностовскаго, гольшанскаго, городецкаго, галичскаго, бѣльскаго и многихъ другихъ <sup>3)</sup>). Вслѣдъ за Рагозой, и другіе западно-русскіе митрополиты предоставили братствамъ очень широкое участіе въ обсужденіи и рѣшеніи церковныхъ дѣлъ, даже догматическихъ вопросовъ.

Подъ вліяніемъ подобныхъ фактовъ и установился особый взглядъ на соборное управленіе церкви и на участіе мірянъ въ церковной жизни, нашедшій себѣ выраженіе между прочимъ въ документѣ 1621 г. (такъ называемое Совѣтованіе о благочестіи <sup>4)</sup>), а также — въ Постановленіи порядномъ, составленномъ въ 1624 г., луцкимъ братствомъ («Ани свѣтскіи бездуховныя, ани духовныи безъ свѣтскихъ въ услугосаню збавеня людскаго досконале и достатечне потребными быти не могутъ...» <sup>5)</sup>).

И хотя допущеніе мірянъ къ участию въ церковныхъ дѣлахъ наряду съ духовенствомъ вело въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ преобладанію даже свѣтскаго элемента и иногда къ полному, повидимому, отрицанію значенія духовенства <sup>6)</sup>), —

<sup>1)</sup> А. З. Р., IV, № 42.

<sup>2)</sup> Лѣтоп. львов. братства, 60.

<sup>3)</sup> А. З. Р., IV, № 48.

<sup>4)</sup> П. К. К., I, № 8.

<sup>5)</sup> П. К. К., I, стр. 57.

<sup>6)</sup> „Не попы насъ спасутъ или владыки, или митрополиты, но вѣры таинство нашея православныя съ храненіемъ заповѣдей Божіихъ — тое насъ спасти маеть“ (А. Ю. и З. Р., II, стр. 210).

общій характеръ дѣятельности братствъ былъ строго православнымъ, что всего рѣшительнѣе выразилось въ возстановленіи братствами высшей іерархіи въ 1620 г.

Въ быстромъ преобразованіи з.-р. братствъ насъ всего болѣе поражаетъ переходъ ихъ отъ благотворительныхъ задачъ къ просвѣтительнымъ. Но тутъ не было скачка въ развитіи братствъ,—такой переходъ былъ естественнымъ шагомъ въ этомъ развитіи, и такъ его объясняютъ сами же братства, смотрѣвшія на свою просвѣтительную дѣятельность, какъ на проявленіе той же благотворительности. Существуетъ милостыня двоякаго характера—одна тѣлесная, другая духовная, и вторая превосходитъ первую, какъ небо—землю<sup>1)</sup>. Важно напитать голоднаго, но еще важнѣе—насытить его брашномъ душевнымъ—школьнымъ ученіемъ<sup>2)</sup>. Ученіе—проявленіе той же любви, нужной человѣку и направленной къ насыщенію и напоенію души, составной части человѣка<sup>3)</sup>. Въ силу этого устанавливался взглядъ на школу, какъ на учрежденіе священное, душеспасительное, какъ на «храмъ духовный»<sup>4)</sup>, а на школьное ученіе—какъ на созиданіе изъ людей—живыхъ камней—церкви Христовой<sup>5)</sup>.

Въ духовномъ брашнѣ православные западно-руссy давно уже чувствовали потребность. Уже кн. Курбскій видѣлъ, что онѣ «гладомъ духовнымъ таютъ», Жажда свѣта и наученія со второй половины XVI ст. проявлялась у нихъ все чаще и чаще, находя себѣ выраженіе то въ заявленіяхъ отдѣльныхъ лицъ, о недостаткѣ учебныхъ средствъ, то въ заботахъ объ умноженіи ихъ. Нельзя сказать, чтобы жажда эта ничѣмъ не удовлетворялась; въ православной Руси издавна существовали свои училища, но съ узкой по времени программой преподаванія. Существовали многочисленные рукописные сборники статей всякаго содержанія и по всѣмъ отраслямъ тогдашней науки и богословія, но не всѣ умѣли читать ихъ и

<sup>1)</sup> Посвященіе Учительнаго Евангелія 1616 г. Аннѣ Ходкевичевнѣ.

<sup>2)</sup> Посланіе еп. М. Копыстенскаго львовскому братству 1591. (Врем. инст. Ставр. 1878, № 2). Упись кіевскаго братства ставитъ духовную милостыню выше тѣлесныхъ добрыхъ дѣлъ (Голубевъ, Ист. кiev. акад. прил. стр. 2).

<sup>3)</sup> П. К. К. III, № 3.

<sup>4)</sup> Письмо львовскаго епископа Гедеона отъ 1 мая 1586 г. (Петрушевичъ, „Иванъ Θεодоровъ“, 32).

<sup>5)</sup> Посланіе еп. Іереміи Тиссаровскаго, 3 марта 1609 г. (Юбил. изданіе львов. братства, 107).

не вездѣ ихъ можно было найти. Распространеніе книгъ содѣйствовало книгопечатанію, но книгъ на славянскомъ и русскомъ языкѣ все еще было не много. Раздавалась и тогда съ церковной кафедры проповѣдь слова Божія, но не многіе пастыри проповѣдывали, немногіе даже читали готовые поученія: язва патроната страшно понизила умственный и нравственный уровень православнаго духовенства.

А между тѣмъ въ предѣлахъ той же зап. Россіи уже нѣсколько десятковъ лѣтъ кипѣло умственное оживленіе. Одна за другой возникали инославныя школы, куда стекались сотни учащихся, гдѣ выступали на сцену классическіе писатели со всѣмъ богатствомъ своего содержанія, и всѣмъ блескомъ и обиліемъ литературныхъ формъ, и гдѣ научно изучались и народныя языки, и діалектика съ риторикой. Латинскіе и протестантскіе проповѣдники и полемисты, и устно и печатно, и въ храмахъ, и въ школахъ, и въ домахъ, и на улицахъ излагали на различныхъ языкахъ свои ученія и громили противниковъ. Типографіи выпускали одно за другимъ свои изданія.

При пробудившейся у православныхъ западно-руссовъ жаждѣ истины и свѣта эта умственная и религіозная дѣятельность иновѣрцевъ не могла не отразиться и на нихъ, и на первыхъ порахъ—въ очень нежелательной формѣ: и проповѣдь, и школа, и книга — все это оказалось для неутвердившихся въ своей вѣрѣ западно-руссовъ только приманкой, на которую они набрасывались—и погибали, погибали и для церкви и для своего народа. Такое положеніе вещей вызвало сознаніе необходимости организовать религіозно-просвѣтительное дѣло на началахъ православныхъ, и вотъ эта то задача, наряду съ другими цѣлями, и была поставлена себѣ нашими братствами.

Въ изслѣдуемый нами періодъ времени просвѣтительное стремленіе братствъ нашли выраженіе въ формѣ школьнаго обученія, литературно-издательской дѣятельности и въ проповѣданіи слова Божія.

Въ исторіи учрежденія братствами школъ ясно опредѣляются мотивы двоякаго характера — умственные, образовательные и религіозно-нравственные. Мотивы перваго рода ясно выразились уже въ грамотѣ патріарха Іоакима отъ 1 января 1586 г.; львовяне, сообщаетъ владыка, хотятъ заложить школу письма греческаго и славянскаго, «да не будетъ родъ ихъ

христіанскій аки безсловесенъ ненаученія ради» <sup>1)</sup>). Эти же цѣли выражаются и въ программѣ братскихъ школъ. Такъ, львовскій уставъ требуетъ, чтобы дидаскаль училъ и письменно излагалъ «отъ философовъ, отъ поэтовъ, отъ историковъ»; «вся бо елика аще писана суть, къ нашему наказанію писана суть» <sup>2)</sup>). Въ связи съ умственными мотивами стоятъ національные, нашедшіе себѣ выраженіе между прочимъ у автора Перестроги: сказавши, что «злые сосѣди опустошили русскую церковь и ввели разстройство въ церковныя отношенія, обложили народъ данью, а знатныхъ людей наукой и другими средствами перетянули изъ церкви къ себѣ и что все русское общество дошло до уничтоженія и убожества», онъ заключилъ: *потому то теперь повсюду учреждаются школы, строятся госпитали и церкви* <sup>3)</sup>).

Но главный мотивъ братскаго образованія — религіозный, христіанско-православный. «Тѣлесное обученіе въ малѣ есть полезно, писало львовское братство епископу Михаилу, благочестіе же на все полезное есть» <sup>4)</sup>). Уже елиссонскій архіепископъ Арсеній, первый учитель и руководитель львовской школы, въ своей программѣ поставилъ на первомъ планѣ обученіе дѣтей вышней философіи — страху Божію, согласно заповѣди Христа: ищите прежде царствія Божія, а прочая приложатся вамъ <sup>5)</sup>). И § 12 львовскаго школьнаго устава (во второй его редакціи) ставить во главѣ программы «св. евангеліе, книги апостольскія, пророковъ всѣхъ, отецъ святыхъ ученіе» <sup>6)</sup>). Грамота патріарха Теофана минскому братству (1620) приглашаетъ членовъ его стараться о размноженіи хвалы Божіей чрезъ преподаваніе въ школъ наукъ на языкахъ греческомъ, славянскомъ и латинскомъ, чтобы чрезъ это молодыя лозы пересаживались въ виноградникъ Христовъ и чтобы народъ поучался день и ночь въ законѣ Господнемъ <sup>7)</sup>). Характерно также заявленіе кievскаго братства въ письмѣ къ царю Михаилу Ѳеодоровичу (1620), что оно устроило училище,

<sup>1)</sup> А. З. Р., III, № 157.

<sup>2)</sup> *Diplomata Statutaria*, V).

<sup>3)</sup> А. З. Р., IV, стр. 228.

<sup>4)</sup> Врем. инст. Ставр. 1871, № 7.

<sup>5)</sup> Крыловскій, 172. *Dipl. Stat.*, № V.

<sup>6)</sup> *Dipl. Stat.* VI.

<sup>7)</sup> Мин. еп. вѣд. 1870, № 24. (11 т. въ москов. общ. ист. и древн. Росс. 1896, I. смѣсь, 13).

чтобы православные не уклонились къ мрачно-темнымъ латинянамъ, напившись изъ чуждаго источника смертоноснаго яда западной схизмы <sup>1)</sup>).

Съ религіозной стороны неизбѣжно связаны нравственная, воспитательная. О своей школѣ львовское братство заявляло, что она основана, чтобы съ измѣненіемъ злобы было положено въ жизнь общества начало благое и чтобы по всей братіи распространилось спасеніе: «измѣненіе бо злобы — начатокъ есть во спасеніе, близъ бѣды спасеніе» (2-я редакція устава). И въ программѣ архіепископа Арсенія на второмъ мѣстѣ находимъ обѣщаніе учить надлежащей любви и почтенію къ родителямъ, ко всѣмъ старшимъ и братьямъ по благовѣствованію Христову.

Такому сознанію важнаго значенія школы соотвѣтствовали и тѣ заботы о нихъ, какія проявляли братства. Изъ множества западно-русскихъ братствъ, упоминаемыхъ въ концѣ XVI и началѣ XVII ст., какъ достовѣрно извѣстно, школами обзавелось немного болѣе двадцати братствъ, но обзаведшіяся прилагали всѣ усилія къ тому, чтобы обезпечить юридически и матеріально ихъ существованіе, снабдить ихъ приличными учителями и учебниками и всячески благоустроить ихъ. Школы для такихъ братствъ, какъ львовское и виленское, составляли одинъ изъ важнѣйшихъ предметовъ ихъ заботъ. Во всѣхъ почти документахъ, гдѣ рѣчь идетъ объ укрѣпленіи правъ самихъ братствъ, мы встрѣчаемъ упоминанія и о школахъ. Для ближайшаго надзора надъ училищами назначаются особы строители школьные. Для школъ прискиваются учителя повсюду и къ преподаванію въ нихъ привлекаются люди всевозможныхъ положеній. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ нельзя было имѣть православныхъ учителей, приглашались инославные, хотя братства смотрѣли на нихъ не совсѣмъ сочувственно, и «промышляли своего рода и благочестія трудолюбны учителя имѣти». Братства и въ отношеніи программъ не избѣгали сближенія съ западной наукой и школой. Напротивъ, мы видимъ, что они, уступая требованіямъ времени, постепенно расширяли программу, вводя въ нее все новые элементы западно-европейской науки. Начавши съ греческаго и славянскаго языка,

<sup>1)</sup> Арх. ю.-з. Россіи I, VI, № 229. Ср. также тѣ мѣста посланій Іоанна Вышенскаго, гдѣ онъ противопоставляетъ православныя школы р.-католическимъ (Петръ Могила, I, прил. 102—104).

братства затѣмъ включили въ составъ преподаванія латинскій и польскій языки; системѣ семи свободныхъ искусствъ мало-по-малу они придавали западно-европейскій характеръ, какъ болѣе соотвѣтствующій обстоятельствамъ времени и нуждамъ русскихъ; даже церковное пѣніе, въ силу тѣхъ же условій, измѣнило свой видъ. Но при всемъ томъ братская школа изслѣдуемаго періода очень отличилась отъ инославной и по объему преподаванія, и по характеру его, и по особенностямъ внутренняго строя и педагогическихъ требованій.

Издательская дѣятельность братствъ вызвана отчасти общими причинами, общимъ стремленіемъ различныхъ исповѣданій и сектъ пропагандировать свои ученія чрезъ распространеніе книгъ догматико-полемическихъ и нравственно-богослужебныхъ, а отчасти стояла въ связи съ потребностями школъ православныхъ. О такой связи типографій съ школами заявилъ патріархъ Іоакимъ, выразившійся о львовянахъ, что они купили типографію для потребностей школы <sup>1)</sup>, и Іеремія. Последний въ ноябрѣ 1589 г. предоставилъ львовскому братству право печатать невозбранно не только богослужебныя книги, сборники, лѣтописи, хроники и прочія книги богослововъ церкви нашей Христовой, но и училищу нужныя и потребныя, т. е. грамматику, піитику, риторику и философію <sup>2)</sup>. Братства — разумѣемъ виленское и львовское, которыя одни только обзавелись въ нашъ періодъ типографіями, — воспользовались полученными отъ патріарха и утвержденными королемъ правами и прежде всего озаботились снабженіемъ школъ своими учебниками. Плодами этихъ заботъ были: греческая грамматика 1591 г., славянская азбука и грамматика 1596 г., грамматика Мелетія Смотрицкаго 1619 г. и 1629 г., грамматика 1621 г.; катихизисъ Стефана Зизанія 1595 г., катихизисъ 1600 г. и нѣкоторыя другія учебныя изданія. Школьное же назначеніе могли имѣть и тѣ полемическіе трактаты и тѣ посланія и сочиненія восточныхъ патріарховъ, которыя переводились въ братскихъ школахъ и издавались братствами. Таковы, на примѣръ, отвѣтъ патріарха Мелетія къ іудеямъ, изданный въ Львовѣ на греческомъ языкѣ съ славянскомъ переводомъ (1593); Листъ патріарха Іереміи напоминальный, съ приложеніемъ словъ св. Кирилла Іерусалимскаго,

<sup>1)</sup> А. З. Р., III, № 157.

<sup>2)</sup> Diplom. Stat. № 16.

I. Златоуста и Ипполита папы Римскаго о второмъ пришествіи Христовомъ и объ Антихристѣ (Вильна, 1596); Казанье св. Кирилла іер.; *Αναλογος ορθοδοξος* патриарха Мелетія (1596); Апокрисисъ (1603); Обь образѣхъ и о крестѣ, *Αυτιγραφή* (1608) и *Θρηγος* (1610) Мелетія Смотрицкаго. Извѣстны затѣмъ бр. изданія книгъ богослужебныхъ, гомилетическихъ (Учительное евангеліе 1616, Казанье двое Леонтія Карповича 1615, Бесѣды Макарія Египетскаго 1627), нравственныхъ, отеческихъ. Изданіе книгъ вѣдалось особыми людьми, которые сосредоточивали въ своихъ рукахъ какъ редакціонную часть, такъ и техническо - типографскую, составляя часто особый кружокъ, объединявшійся вокругъ печатнаго станка. Во Львовѣ уже въ 1585 г., по сообщенію епископа Гедеона, «показались до друкарнѣ ремесницы и люди ученые»<sup>1)</sup>. Изъ такихъ ученыхъ людей исторія сохранила имена: во львовской типографіи — чернца Мины и Памвы Берынды, одного изъ извѣстнѣйшихъ нашихъ «маістровъ художества печатнаго», работавшаго послѣ въ Кіевѣ и издавашаго между прочимъ Лексиконъ славяно-русскій (1627) и въ Вильнѣ—Лонгина Карповича, пострадавшаго за Θринось, и іеродиакона Виталія, который посвятилъ себя специально проповѣди слова Божія и переводу книгъ съ греческаго и латинскаго языковъ. Но чрезмѣрные труды изнурили его, и Діоптра, переведенная имъ и напечатанная въ 1612 г., была, по выраженію виленскаго братства, какъ бы факеломъ, сіявшимъ при братской церкви и при его тѣлѣ (Предмова до Яна Очинскаго). Подобныхъ Виталію беззавѣтныхъ тружениковъ на нивѣ православнаго просвѣщенія было не мало при виленскомъ и львовскомъ братствахъ, особенно среди иноковъ ихъ монастырей; иль усордіемъ поддерживалась дѣятельность братскихъ типографій даже тогда, когда школы приходили временно въ упадокъ.

Не менѣе благотворны и полезны были заботы братства о развитіи проповѣди. Церковное учительство въ церкви православной всегда составляло удѣлъ ея пастырей и только въ исключительныхъ случаяхъ проповѣдниками, по особому уполномоченію іерархической власти, являлись лица свѣтскія. Въ такихъ именно условіяхъ находилось это дѣло въ изслѣдуемой нами время въ Зап. Россіи. Вслѣдствіе злоупотребленія правомъ подаванія, выразившагося въ томъ, что владѣльцы

<sup>1)</sup> Петрушевичъ, Ив. Федоровъ, 32 и 33.

городовъ и сель назначили къ своимъ церквамъ священниковъ не только не получившихъ никакой подготовки къ своему высокому служенію, но часто и неграмотныхъ, проповѣдничество въ западной русской церкви во второй половинѣ XVI ст. стояло на самой низкой ступени. На отсутствіе у русскихъ проповѣдниковъ указывали и враги православія, въ родѣ іезуита Скарги, и сами русскіе, противопоставлявшіе этой скудости—безчисленное множество проповѣдниковъ у иновѣрцевъ (Острожскій). И сами братства жаловались на этотъ недостатокъ и на весь вредъ его для православія. Въ 1592 г. львовское братство писало александрійскому патріарху Мелетію: «ваши державные князья и воеводы, сыны православной восточной церкви, стыдятся своей вѣры и переходятъ въ западную церковь. Это происходитъ отъ незнанія закона (вѣры) и благочестія, такъ какъ нѣтъ у насъ учителей, ни наставляющихъ на путь спасенія: учителя и ученія по благочестію православія не суть <sup>1)</sup>. Братства наши, понявъ потребность въ живой проповѣди, которая давала бы отвѣты на догматическіе и нравственные запросы общества, постарались организовать это дѣло на болѣе или менѣе прочной основѣ. Общей для этого формой служило у братствъ учрежденіе особой должности проповѣдника, причемъ иногда братства испрашивали у короля разрѣшеніе на это. Королевской грамотой 21 іюля 1589 г. вилепскому братству разрѣшено держать у себя людей въ письмѣ учоныхъ, духовныхъ и свѣтскихъ, до науки школьное и *до ученія людей у церкви* и до спѣванія <sup>2)</sup>. Живую проповѣдь слова Божія братства считали дѣломъ полезнымъ настолько, что поставили одной изъ главныхъ задачъ своихъ школъ приготовленіе искусныхъ проповѣдниковъ. Уже въ 1591 г. львовское братство выхлопотало у м. Михаила Рогозы, при посѣщеніи имъ Львова, право проповѣди для учениковъ братской школы. 24 янв. митрополитъ благословилъ двухъ дидаскаловъ школьныхъ— Стефана (Зизанія) и Кирилла (Транквилліона), а также и другихъ—учащихся, годныхъ къ тому, проповѣдывать и благовѣствовать слово Божіе, какъ въ Успенской церкви, такъ и въ другихъ, гдѣ случится имъ, но подъ условіемъ разрѣшенія настоятеля <sup>3)</sup>. Этотъ

<sup>1)</sup> Врем. инст. Ставр. 1871, № 8.

<sup>2)</sup> А. В. А. К., IX, № 52.

<sup>3)</sup> А. З. Р. IV, № 27 (id. Врем. Инст. Ставр. 1878).

фактъ очень важенъ: имъ создавался прецедентъ для привлеченія къ проповѣди мірянъ и притомъ — учащихъ еще въ школахъ. Стефанъ Зизаній, дѣйствительно, заявилъ о себѣ ревностной проповѣднической дѣятельностью преимущественно полемическо-обличительнаго характера, основаніе и поводъ къ чему ему дали обнаружившіеся около этого времени замыслы русскихъ владыкъ подчинить западно-русскую церковь папѣ. Уже во Львовѣ онъ обратилъ на себя вниманіе и его скоро вызвали виленскіе братчики на помощь себѣ въ борьбѣ съ р.-католиками. Въ Вильнѣ Зизаній вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ-львовяниномъ же Юріемъ Рогатинцемъ, вели, по словамъ автора Боркуловской хроники, сильную войну съ римско-католиками, не только на ратушѣ, на рынкѣ, на улицахъ, но и посреди святыхъ храмовъ <sup>1)</sup>. Устная полемика съ латинянами у Стефана Зизанія была тѣсно связана съ его издательской дѣятельностью и возбудила противъ него какъ митрополита Рагозу съ его партіей, такъ и самаго короля. Такого же полемическаго противо-латинскаго характера поученіями обратили на себя вниманіе проповѣдники — и тоже свѣтскіе — могилевскаго братства: Котковскій, Оома Тивборовичъ и Радко, которые, по словамъ полоцкаго униатскаго архіепископа, говорили безъ его разрѣшенія проповѣди и въ нихъ проклинали самаго владыку и возмущали народъ противъ правительства (1601) <sup>2)</sup>. Изъ другихъ братскихъ проповѣдниковъ извѣстны: львовскій пресвитеръ *Игнатій*, перешедшій въ 1592 г. въ Вильну <sup>3)</sup>, упомянутый уже нами іеродиаконъ *Виталій*, который, «избравъ себѣ кафедру слова Божія», трудился на ней день и ночь, архимандритъ *А. Карновичъ*, издавшій двѣ свои проповѣди. Въ 20-хъ годахъ XVII ст. въ виленскомъ братствѣ проповѣдывали *Оеофилъ Леоновичъ*, служившій въ братствѣ, а затѣмъ въ Луцкѣ и Кіевѣ и *Іосифъ Бобриковичъ*. Въ то же время въ кіевскомъ братствѣ на должности проповѣдника состоялъ ректоръ братской школы Кассіанъ Саковичъ, простой монахъ, перешедшій въ 1624 г. въ этомъ же званіи къ люблинскому братству;

<sup>1)</sup> Кулишъ, Матеріалы для исторіи возсоединенія Руси, I, 57.

<sup>2)</sup> Арх. Сб. II, № 19.

<sup>3)</sup> Въ одномъ документѣ (послѣ 1 янв. 1592 г.) онъ названъ Игнатіемъ *діакономъ*, „нашимъ проповѣдникомъ“ (Mopum. confr. I, 419), но уже 24 февр. этого года онъ именуется „честнымъ проповѣдникомъ“. (Врем. Инст. Ставр. 1871 г., VIII).

нѣсколько позже «мистромъ и казнодѣей» кievскаго братства считался Анатолій Мужилевскій <sup>1)</sup>. Существовала особая должность проповѣдника и въ луцкомъ братствѣ, которое въ 1624 г. обязало игумена своего монастыря держать проповѣдника въ числѣ десяти человекъ братіи <sup>2)</sup>. Въ 1626 г. казнодѣйскія обязанности вмѣстѣ съ ректорствомъ въ школѣ принялъ на себя самъ игумень (новый) Митрофанъ (Дементіановичъ) <sup>3)</sup>.

Контингентъ проповѣдниковъ пополнялся братскими школами, которыя одно время ставили своею цѣлью снабжать не только города, но и села искусными іереями и, слѣдовательно, умѣлыми провозвѣстниками и защитниками христіанской истины. Что братская школа, дѣйствительно, поставила себѣ такую задачу и выполняла ее, это доказывается, кромѣ уполномоченія на проповѣди учителей и учениковъ львовской школы, свидѣтельствомъ автора Перестроги о виленской школѣ, что изъ нея выходитъ много ученыхъ мужей и мудрыхъ казнодѣевъ <sup>4)</sup>. Живымъ подтвержденіемъ этого свидѣтельства являются дошедшія до нашего времени пять школьныхъ рѣчей воспитанниковъ виленской школы, сказанныхъ въ дни Пасхи и Рождества Христова предъ настоятелемъ Св. Духовскаго монастыря <sup>5)</sup>. Хотя онѣ имѣли назначеніе не церковное, а были только поздравительными рѣчами, но по содержанию онѣ могли бы быть произнесены и въ храмѣ. Обращаетъ на себя вниманіе и то, что одна изъ этихъ рѣчей — на польскомъ языкѣ. Ясный признакъ, что и въ этой области братства слѣдили съ живымъ интересомъ за потребностями времени. Славянскій языкъ, не смотря на всѣ усилія братскихъ школъ поднять его значеніе, падалъ все ниже, и все меньше находилось людей, даже среди духовенства, которые могли бы понимать его, и вотъ братства, съ одной стороны, допускаютъ употребленіе польскаго языка какъ въ свои школы и въ своихъ изданіяхъ, такъ и въ устной проповѣди. Съ другой стороны, они отводятъ мѣсто въ богослуженіи (въ

<sup>1)</sup> 1633. Арх. гр.-ун. митр. № 631. Но здѣсь же онъ именуется проповѣдникомъ монастыря печерскаго.

<sup>2)</sup> П. К. К., I, № 8.

<sup>3)</sup> Рукоп. книга Ае. Миславскаго, л. 58 об.—59.

<sup>4)</sup> А. З. Р. IV, 215.

<sup>5)</sup> Рѣчи эти сохранились въ сборникѣ бібліотеки Кіево-Софійскаго собора № 46 и напечатаны въ „Лит. оп. вѣд.“ 1897 г.

проповѣди), какъ и въ своихъ изданіяхъ, языку русскому. На русскомъ языкѣ издано Учительное Евангеліе 1661 г. <sup>4)</sup>; на немъ же написаны пять поученій, приложенныхъ къ Требнику 1621 г. (предъ бракомъ брачущимся, предъ исповѣдію, надъ гробомъ умершаго); таковы же примѣрные надгробныя рѣчи, изданныя ректоромъ кievской школы К. Саковичемъ при Вѣршахъ на погребеніе гетмана Петра Конашевича-Сагайдачнаго; таковы же бесѣды св. Макарія Египетскаго, изданныя въ Вильнѣ въ 1627 г. Принаровленіе братствъ къ потребностямъ общества выразилось въ области проповѣди и въ другомъ отношеніи — въ приданіи какъ самой проповѣди, такъ и наукъ о ней характера польско-латинскаго, что особенно ясно сказалось уже въ срединѣ XVII ст., въ ущербъ самому содержанію поученій.

Таковы были религіозно-просвѣтительныя заботы западно-русскихъ братствъ въ концѣ XVI и началѣ XVII в., оказавшія неоцѣненныя заслуги православію и народности русской и доставившія братствамъ крупное значеніе въ исторіи русскаго просвѣщенія.

Въ заключеніе считаю пріятнымъ долгомъ выразить свою благодарность всѣмъ тѣмъ лицамъ, которыя содѣйствовали какимъ бы то ни было образомъ выполненію моей задачи — представить историческія данныя о ходѣ и постановкѣ православнаго образованія въ Западной Россіи въ XVI и нач. XVII в., въ связи съ образованіемъ инославнымъ. Особенно же глубокою признательностью я обязанъ высокоуважаемому профессору П. Н. Жуковичу, который предложилъ тему для изслѣдованія, постоянно руководилъ моими занятіями и поддерживалъ своимъ сочувствіемъ, и проф. П. О. Николаевскому, цѣнными замѣчаніями котораго я воспользовался при печаніи сочиненія. Отъ нихъ же я жду замѣчаній относительно недостатковъ и промаховъ въ книгѣ, неизбѣжныхъ и по свойству темы, и по недостаточности и неразработанности матеріаловъ и по разбросанности ихъ.

К. Харламповичъ.

<sup>1)</sup> Въ предисловіи къ нему сказано, что цѣль изданія — обученіе всѣхъ, а особенно незнающихъ славянскаго языка и потому привыкшихъ пользоваться устными и письменными поученіями еретическими, полными дух. заразы.